

УДК 070

МЕДИАПОЭТИКА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

© 2013 В.Б. Смирнов

Волгоградский государственный университет

Поступила в редакцию 6 июля 2013 года

Аннотация: В статье поднимается вопрос о нормативной упорядоченности журналистской терминологии и включении в систему дисциплин, изучающих средства массовой коммуникации, медиапоэтики, задача которой состоит в изучении структурной организации журналистского текста с точки зрения его оптимального соответствия функциональному назначению медиапродукта.

Ключевые слова: медиапоэтика, текст, теория журналистики, терминология.

Abstract: the author of the article brings up for attention the question of the normative ordering of journalistic terminology and including in the disciplines, studying mass communication, mediapoetics which mission is to study the structural organization of the journalistic text from the point of view of its optimal matching functional purpose of media products.

Keywords: mediapoetry, text, theory of journalism, terminology.

Современная глобализация информационного пространства и коммуникативных технологий порождает растерянность теоретиков журналистики перед возможностью постижения поистине безграничного множества явлений, объединяемых понятием «средства массовой информации». Гносеологическая, социологическая, антропологическая и лингвокультурологическая многосоставность этого феномена, требующего комплексной методологии исследования, все чаще в последнее время вызывает заявления о кризисе журналистской науки и необходимости пересмотра ее науковедческой терминологии.

Журналистика, смело интегрирующая достижения смежным наукам и научным дисциплинам, одновременно вступила в эпоху такой узкопрофильной дифференциации, что зачастую исследователи единого объекта не понимают специфического (чаще всего «заморского») языка коллеги-«предметника». Само понятие «журналистика» стало настолько полисемантическим, что все значения этого слова не перечислить и на одной странице. Не случайно некоторые теоретики масс-медиа заговорили о «нормативизации» журналистской науки. Речь идет, в первую очередь, о статье С. Г. Корконосенко «Нормативные теории и нормативность в теории журналистики», автор которой поднимает вопрос о «границах между нормой, подлинным новаторством и его имитацией» [1, 3]. Ссылаясь на озабоченность

зарубежных коммуникологов, в частности президента Европейской ассоциации коммуникационных исследований и образования (ECREA) Франсуа Хейндерикса, тем, что журналистская наука, пополняемая учеными-«смежниками» (именуемыми им «мигрантами коммуникации» в отличие от «родившихся в коммуникации», то есть имеющих специальное образование), засоряется неадекватной ей терминологией и утрачивает методологическую четкость, С. Г. Корконосенко ратует – при всем плюрализме мнений – за определенную теоретическую упорядоченность (нормативность) научного знания, базирующуюся на классической (национальной и мировой) теории, корректно сочетающей традиции и новаторство. «Если мы, – цитирует петербургский ученый зарубежного коллегу, – действительно считаем, что исследование коммуникации – дисциплина, развивающаяся и приближающаяся к зрелости, то сообщество (имеется в виду Европейское – В. С.) должно объединить силы, чтобы завоевать признание академического мира... Для этого требуется, чтобы мы договорились о ясно определенном, строгом и своеобразном наборе эпистемологических стандартов и развитом методологическом инструментарии» [1, 4].

Аналогичное мнение высказывает и белгородский исследователь медиакритической проблематики А. П. Короченский, настаивающий на необходимости выработки отечественной методологии изучения средств массовой информации и отвечающего ей понятийного аппарата,

© В.Б. Смирнов, 2013

который бы не компилировал апологетически зарубежную терминологию [2, 17]. В самом факте современного сосуществования нетривиального исследования массово-коммуникативных явлений нет ничего удивительного и противоземного. Более того, он свидетельствует об активном методологическом поиске журналистской науки.

Журналистика – сложная многофункциональная информационная и социокультурная система, которая может рассматриваться в самых разнообразных общественных, культурных и научных контекстах: в историческом и современном гносеологическом пространстве, в антропологическом пространстве и пространстве прошлой и современной культуры, в пространстве разных цивилизаций и государственных систем; в экономическом, технологическом, индустриальном и прочих видах пространств, более или менее локализованных. Даже в контексте разработанной ныне Концепции национальной безопасности. И принципы изучения журналистики определяются не только ее природным предназначением, но и парадигмой, в которую она включается тем или иным исследователем. Это, во-первых.

Во-вторых, преодоление догматической философии «столпничества», под которым я разумею «единственно верную» методологию марксизма-ленинизма, распространявшую, к примеру, ленинскую периодизацию рабочей печати на всю теорию и историю российской культуры и прессы, неизбежно должно было перерасти – даже из чисто протестных настроений! – в демонстрацию силы долго сдерживаемого духа, что и вызвало к жизни методологическую сумятицу, чрезмерное увлечение зарубежными концепциями (не советское – значит отличное!) и нигилистическое забвение отечественного исследовательского опыта. Истинно по-русски: «раззудись плечо, размахнись рука!».

В-третьих, методологическому плюрализму в гуманитарном знании способствовало усилившееся в последней трети прошлого века стремление к комплексному изучению сложных социокультурных систем, которое существенно расширило парадигмальный горизонт журналистской науки и вывело ее из состояния самоуспокоенности. Однако сопутствующие этому процессу общеизвестные внешнеполитические и внутривнутриполитические явления привели к смене идеологических вех и духовных ориентиров, вызвав разброд и шатания в среде научной общественности, которая без основания заговорила об утрате национальной идентичности, космополитизации теоретических концепций, эклектичности методологического и терминологического аппарата.

Для наведения порядка в сфере терминологии, используемой «родившимися в коммуникации» и «мигрантами коммуникации» (последних, на мой взгляд, ныне больше), во имя создания общепонятного языка для национального коммуникативного сообщества, мне кажется, в первую очередь необходимо найти емкое, удобоваримое (пусть даже «кентаврическое», двуязыкое) определение для самой журналистской науки, которое бы ограничивало ее терминологически от всеобъемлющего понятия «журналистика», тождественного объекту научного исследования.

Под этим названием наука о средствах массовой информации, включающая весь «набор» науковедческих дисциплин, свойственных практически всем отраслям знания (теория, история, методология), в том числе систему подготовки отраслевых специалистов (медиаобразование), фигурирует в Государственном рубрикаторе научно-технической информации и Списке специальностей Высшей аттестационной комиссии РФ. Некоторые исследователи, кого не удовлетворяет тождественность названия объекта изучения и науки о нем (В. И. Чередниченко, А. В. Федоров и др.), предпочитают пользоваться термином «журналистиковедение». Громоздко, труднопроизносимо и не технологично для использования в печатном тексте.

Чаще всего таким терминологическим поиском занимаются «мигранты журналистики», которых я называю «смежниками». В комплексном изучении средств массовой информации они стремятся равноправно представить интересы и профильной научной дисциплины, и смежной с ней области знания. Так называемый «бифокальный взгляд» характерен, в частности, для работ саратовского профессора В. В. Прозорова в работах «Власть современной журналистики, или СМИ наяву» (2004) и «Власть и свобода журналистики» (2005), о которых мне уже приходилось высказываться [6, 155–158]. Поскольку В. В. Прозоров «мигрировал» в журналистскую науку из литературной, то его концепция структурной организации средств массовой информации и коммуникации имеет по преимуществу литературоцентристский, а по сути – антропологический характер. Практическое преимущество «бифокального взгляда на властную энергию СМИ-продукта» ученый видит в том, что он (взгляд – В. С.) «позволяет сосредоточиться на таких слабо пока отрефлектированных областях медианауки, как журналистская критика и журналистская поэтика» [3, 8]. Сразу оговорюсь, чтобы в дальнейшем не возвращаться к полемике по поводу вводимых автором понятий (которые так и не получили в книгах четкого определения), что, на мой взгляд, точнее пользоваться терминами *медиакритика* (он, кстати, обстоятель-

но «отрефлексирован» в работах А. П. Короченского) и *медиапоэтика*. Они, во всяком случае, не дают простора для вольного, двусмысленного толкования их. Ведь журналистская критика — в отличие от уже закрепившегося в научном обиходе понятия *медиакритика*, которая сосредоточена на интерпретации и оценке медиапродукта, — может трактоваться и как критическое отношение журналиста к явлениям и фактам действительности. В равной мере и журналистская поэтика — в отличие от *медиапоэтики* как системы средств, используемых тем или иным информационным каналом, — может восприниматься в разных смыслах, более всего тяготея к индивидуальному мастерству журналиста.

Коротко, чтобы не повторяться, разъясню смысл антропологической концепции ученого. Опираясь на теорию австрийского лингвиста и психолога Карла Бюлера о тройственной функции человеческого языка (репрезентация, экспрессия, апелляция), каждая из которых отражает различные степени саморазвития личности, то есть этапы возрастной психологии, В. В. Прозоров приходит к выводу, что по мере углубления «личностного душевного пространства бытия каждого человека (с момента его появления на свет) обнаруживается возможность говорить об *эпической, лирической и драматической составляющих освоения этого пространства*» (курсив мой — В. С.) [3, 147]. Эта гипотеза, дополненная мыслью о том, что журналистское творчество представляет собою комплексную деятельность, в которой сочетаются познавательная, ценностно-осмысляющая и художественная функции, неизбежно должна была привести В. В. Прозорова к наложению на средства массовой информации той литературно-родовой «сетки», которая существует с аристотелевских времен. Антропологизм прозоровской концепции и породил ее литературоцентричность. «Три литературных рода, — считает ученый, — это нечто большее, чем только системные «различители» обширного поля поэтических текстов. Три литературных рода — это, скорее всего, поистине универсальная триада, объясняющая и особенности огромного литературно-текстового рельефа, и основные. Ведущие речевые функции, и природу возрастной, постепенно «возрастающей» и усложняющейся психологии» [3, 151].

В. В. Прозоров считает возможным говорить о трех антропологических доминантах, которые «в сложной совокупности своей способствуют конструированию, формированию и развитию человеческих субъектно-объектных связей и отношений в нашем мире» [3, 151]. Это, конечно же, эпическая, лирическая и драматическая доминанты, в характеристике которых есть что-то и от Аристотеля, и от Гегеля, и от современной

коммуникативистики. Но главное состоит в том, что интерпретация содержательной структуры этих доминант позволяет исследователю проецировать их на «соприродные человеческой психике эпические, лирические и драматические каналы информации» и «способствует образованию трех властно воздействующих на человека основных разновидностей массовой коммуникации» [3, 153]. Как вы уже догадались, печать, аудио и видеовещание. Они-то и должны стать объектами изучения *смикологии*: таково новое определение журналистской науки, которое дает ей автор монографии «Власть современной журналистики, или СМИ наяву».

Для меня это определение неприемлемо потому, что беспредельно расширяет объект изучения журналистской науки за счет включения в него предметной сферы, подведомственной коммуникативистике: от природных и искусственных языков до весьма выразительного «жезлового» языка «гаишника». Приветствуя междисциплинарные взаимодействия, я категорически против научного экспансионизма. Как, в равной мере, и против терминологического симбиоза, который свойствен монографии В. В. Прозорова. И считаю, что наиболее удачным определением для науки, изучающей средства массовой информации, могло бы стать «*медиаведение*»: компактное и смыслодержательное, не выбивающееся из сложившегося семантического поля медийной фразеологии, не посягающее на территорию коммуникативистики. *Медиаведение* отнюдь не исключает из исследовательского терминологического аппарата понятий «*газетоведение*» и «*журналоведение*» как более узких научных дисциплин, изучающих крупные специфические — при всей родовой близости — сферы медийного производства. Требуется включения в число медиаведческих дисциплин, наряду с теорией журналистики, историей журналистики, медиакритикой и т. п., и *медиапоэтики*, которая находится в эмбриональной стадии развития.

Никто, видимо, не будет спорить о том, что и поэтика литературы, и поэтика журналистики (медиапоэтика) имеют дело с текстовой реальностью, исследуя преимущественно ее внутреннюю эстетическую упорядоченность. Однако в основе ценностных ориентиров медиапоэтики и поэтики литературы лежат несовместимые критерии эстетической полноценности медийного и литературно-художественного продукта. В поэтологическом аспекте литературоведение оценивает художественный текст (произведение) с точки зрения органичности его формосодержательного единства, опираясь на анализ внутренних связей и соотношения различных уровней художественного целого. Для литературоведа задача первостепенной важности — выявить индивидуальное начало в тек-

сте, объяснить неповторимость его архитектоники. Журналистское произведение — газетный или журнальный номер, еженедельник — плод коллективного творчества, зачастую даже анонимного, поэтому индивидуальное начало отступает на задний план и становится предметом рассмотрения чаще всего, когда заходит речь о журналистском мастерстве. Объектом медиаведения является вся совокупность печатных и электронных средств массовой информации, рассчитанной не на узкопрофессиональную аудиторию, а именно на массового потребителя (не в количественном отношении, а в социальном — как представителя массы), стремящегося к удовлетворению актуального общественного интереса.

Главная цель медиапоэтики — выявление индивидуального своеобразия отдельных источников с точки зрения адекватности их формы и содержания функциям массовой информации. Целевые установки поэтики литературы и медиапоэтики в общем методологически сходны. Их усилия направлены на имманентный анализ литературных и медийных текстов в культурологическом понимании этого слова с целью повышения качественного уровня, с одной стороны, и обогащения теоретического потенциала своих наук — с другой, которое в конечном счете должно позитивно отразиться на практической творческой деятельности. Так что медиапоэтика имеет одновременно и теоретический, и прикладной характер. Но критерии полноценности литературного и медийного продуктов несколько иные.

Литературное произведение самодостаточно по своей художественной сути и не претендует на удовлетворение прагматических потребностей общества. Оно, в отличие от медийной продукции, не нуждается в проверке социальной практикой. С другой стороны, чем больше журналистское произведение отвечает ее потребностям, тем эффективнее оно выполняет свои функции. Для литературного текста «тестом на прочность» является комплекс эстетических качеств, определяющих художественность. Для медийного текста — *информационная насыщенность*, уровень которой определяется обязательным соблюдением трех важнейших качеств информативности: *релевантность, декодируемость, небанальность*. По мнению известного теоретика журналистики Е. П. Прохорова, «несоблюдение хотя бы одного из названных требований (даже при высокой степени реализации двух других) лишает текст возможности быть информативным» [5, 37].

Разумеется, речь идет не о какой-либо информационной заметке, а о совокупности периодически повторяющихся микротекстов, образующих гипертекст (молекулу) медийного источника.

В свою очередь, триада требований, без выполнения которых журналистский текст как плод индивидуального творчества (будем предполагать, что он обошелся без редакторского вмешательства) и как совокупный труд коллективного творчества (медийный источник), не может претендовать на высококачественность, обуславливает соблюдение обширной системы нормативных правил, которые определяют исследовательскую проблематику медиапоэтики. Ее задача — уловить в конгломерате качеств эстетическое содержание и в многовариативной сочетаемости этих элементов поэтические конструкции, максимально способствующие реализации в журналистском продукте его функциональности. Чем выше информационный потенциал и уровень информационной насыщенности, чем богаче арсенал выразительных и изобразительных средств журналистики, тем качественнее ее продукт.

В этом, в сущности, и заключается искусство журналистики, методику расщепления которого на формосодержательные единицы во имя воссоздания гармонического целого, зачастую не уступающего по своему эмоциональному воздействию художественной литературе, еще предстоит разработать.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Корконосенко С. Г. Нормативные теории и нормативность в теории журналистики / С. Г. Корконосенко // Современные проблемы журналистской науки. — Воронеж, 2009.
2. Короченский А. П. Актуальные вопросы развития журналистской науки в постсоветском пространстве / А. П. Короченский // Журналистика и медиаобразование. — Белгород, 2008. — Т. 1.
3. Прозоров В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву / В. В. Прозоров. — Саратов, 2004.
4. Прозоров В. В. Власть и свобода журналистики / В. В. Прозоров. — М., 2005.
5. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров. — М., 2000.
6. Смирнов В. Б. Власть и свобода СМИ / В. Б. Смирнов // Вестник ВолГУ. Сер. «Литературоведение и журналистика». — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. — Вып. 5. — С. 155-158.
7. Смирнов В. Б. Антропологическая концепция смикологии / В. Б. Смирнов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — Воронеж, 2006. — № 1-2. — С. 7-9.

Смирнов В. Б. Доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Волгоградского государственного университета.

Smirnov V. B. Doctor of Philology, Professor of the Journalism Department of Volgograd State University.